

КАКИМ ДОЛЖНО БЫТЬ УНИВЕРСИТЕТ

На многие актуальные вопросы развития универсального образования искали ответы участники и гости конференции «Современное и классическое университетское образование», прошедшей в мае нынешнего года. Конференция была посвящена изданию первого перевода на русский язык «Лекций о методе университетского образования» Ф. Шеллинга.

Интерес, который проявили многочисленные участники конференции, заполнившие почти до отказа актов зал академии, а также публикации в российской прессе (см. *exlibris* «Независимой газеты») от 11 июня 2009 года), свидетельствует о том, что лекции, прочитанные Шеллингом в 1802–1803 гг. в Йенском университете, не потеряли своей актуальности и сегодня.

Благодаря едва знакомой современному читателю натурфилософской трактовке и рассмотрению окружающего природного мира, взгляд Шеллинга на сущность университетского образования и на преподавание отдельных дисциплин поражает своей глубиной и точностью формулировок. Таким образом, лекции о методе, опубликованные в 1809 году, отличаются та многогранностью подхода к изложению материала, которая побуждает пытливого читателя к созданию параллелей с современностью, помогает расширить горизонт сознания и по-новому взглянуть на сущность современного российского университетского образования в общеевропейском контексте.

Об этом говорили многочисленные докладчики, преподаватели крупнейших вузов Санкт-Петербурга. Глубину обсуждаемых проблем отразила компаративная направленность выступлений и представляемые авторами области научного знания: классическая философия, философская антропология, культурология и социология. Максим Демин, аспирант кафедры философии РГПУ им. А.И. Герцена, открывший своим докладом начало обсуждения, сделал краткую ретроспективу учений о методе университетского образования в Германии начала XIX века; Светлана Францишина, тоже аспирант РГПУ, поделилась своими впечатлениями о культурном уровне нынешних универсантов и о трудности донести в нынешнюю эпоху распущенного плюрализма философскую идею единства и целостности науки и, стало быть, вообще научного обра-

зования. Мария Соколова кандидат философских наук, доцент каф. истории философии СПбГУ, в своем выступлении «Образ и первообраз» не только предложила краткий обзор концепций и понятий, в которых осмыслилась сущность процесса образования в исторической перспективе от Платона (философское осмысление «пайдейи») через традицию христианского Средневековья (в которой процесс образования немислим вне ориентации на абсолютную и трансцендентную ценность – Бога) к Новому времени (порождение новой науки и философии, введении классно-урочной системы, выстроенной по аналогии с промышленным производством), но и подняла вопросы осмысления сути образования вне отношения к Абсолюту, к идее Высшего блага и абсолютного знания; возможности и смысла техники и технологии образования и проблематику соотношения общего и элитарного в образовании. По мнению М. Соколовой, концепция Шеллинга коренится в «классической» традиции, в которой в человеческой природе потенциально заложена возможность единства с противоположным полюсом – трансцендентным Богом.

Выступление А.Н. Муравьева, кандидата философских наук, доцента кафедры истории философии РГПУ им. А.И. Герцена, было посвящено определению задачи модернизации системы российского образования, первым этапом которой является осуществление соответствующего национального проекта, невыполнимого без реформы высшей школы, в современной России имеющей организационную форму университетов, чье назначение состоит в подготовке ученых по всей номенклатуре научных специальностей. Докладчик подчеркнул, что в этой связи первый перевод на русский язык «Лекций о методе университетского образования» Ф. Шеллинга, вышедший, наконец, в свет, представляется чрезвычайно полезным и своевременным.

ФРИДРИХ ВИЛЬГЕЛЬМ ЙОЗЕФ ШЕЛЛИНГ.
ЛЕКЦИИ О МЕТОДЕ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ, 1803.
ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ
ОБ АБСОЛЮТНОМ ПОНЯТИИ НАУКИ
[ФРАГМЕНТ]

Студент, впервые вступающий на академическое поприще, может оказаться под впечатлением хаоса, в котором он еще ничего не различает, словно в огромном океане без компаса и путеводной звезды. И это впечатление охватит его тем сильнее, чем более у него чувства и стремления к Целому. Те немногие, для которых ясный свет уже с самого начала указывает верный путь, ведущий к цели, представляют собой исключение, которое здесь можно не принимать во внимание. Обыкновенное же следствие этого состояния у наиболее организованных умов таково, что они начинают беспорядочно отдаваться всевозможному обучению, блуждая по всем направлениям и не проникая до зерна какого-либо из них (которое, однако, и есть основа всестороннего и высшего образования), и в конце академического пути, после бесплодных попыток, доходят в лучшем случае лишь до понимания того, как много было напрасно сделано и как много существенного было упущено. Те же, кто сотворен из менее благородного материала, уже с самого начала отрекаются от идеи Целого, предаваясь научной пошлости, и в лучшем случае пытаются посредством обычного прилежания и механической памяти усвоить в сфере своей особенной специальности ровно столько, сколько им представляется необходимым для своего внешнего существования в будущем.

Смущение, которое охватывает лучших перед лицом выбора как предметов, так и рода своего образования, приводит нередко к тому, что они доверяются недостойным, которые заполняют их головы своими низменными представлениями о науках или пренебрежением к ним.

Таким образом, необходимо, чтобы в университетах более открыто и общедоступно обучали цели, роду, целому и особенным предметам университетского образования.

Следует принять во внимание еще и другое. И в науке, и в искусстве особенное лишь постольку имеет ценность, поскольку оно содержит в себе всеобщее и абсолютное. Но, как показывает большинство примеров, слишком часто бывает так, что за определенным занятием забывается универсальное образование, а за стремлением стать хорошим правоведом или врачом – более высокое назначение ученого вообще, цель облагороженного науки духа. Можно было бы возразить, что против подобной односторонности образования достаточным средством является изучение более всеобщих наук. Я не намерен, в общем, этого отрицать и, скорее, сам это утверждаю. Геометрия и математика очищают дух для чисто разумного познания, которое не нуждается в материале. Философия, охватывающая всего человека и затрагивающая все стороны его естества, еще более приспособлена к тому, чтобы освободить дух от ограниченности одностороннего образования и возвысить его в

Уникально по широте охвата и философской глубине содержание лекций Шеллинга, систематически рассмотревшего в них все главные отрасли наук с точки зрения их положения и значения в целом университета как универсума знаний о Вселенной. Исключительно важно то, что в ходе рассмотрения этого содержания великий немецкий философ выдвигает и убедительно обосновывает принципиальное решение проблемы органического соединения высшей школы с академической наукой. От отсутствия такого единства особенно остро страдает сегодня наша страна. В современных условиях жесткой конкурентной борьбы на мировом «рынке знаний» признанным лидером станет то государство, которое по достоинству оценит это открытие Шеллинга и сумеет использовать его в деле превращения своих ведущих университетов в настоящие академии наук.

Вопросы соотношения фи-

лософских и позитивных наук в царство всеобщего и абсолютного. Однако между всеобщей наукой и особенной ветвью знания, которой посвящает себя единичный индивид, либо не существует вообще никакого отношения, либо наука в своей всеобщности не может опуститься настолько, чтобы показать эти отношения; так что тот, кто сам не в состоянии их познать, оказывается в особенных науках оставленным абсолютной наукой и намеренно предпочитает лучше изолироваться от живого целого, чем бесполезно расточать свои силы в напрасном стремлении к единству с ним.

Таким образом, обучению отдельной дисциплины не должно предшествовать познание органического Целого всех наук. Тот, кто посвящает себя какой-то определенной науке, должен узнать сперва место, которое она занимает в этом Целом, и тот особенный дух, который ее одушевляет, равно как и способ изучения, благодаря которому она присоединяется к гармоничному строению Целого – следовательно, узнать и то, каким образом он сам должен приступить к этой науке, чтобы мыслить ее не рабски, но свободно и в духе Целого.

Вы уже понимаете из только что сказанного, что методика университетского образования состоит лишь в действительном и истинном познании живой связи всех наук, что без этой связи всякое наставление оказывается мертвым, бездуховным, односторонним и ограниченным. Однако это требование Целого, может быть, никогда еще не было более настоятельным, чем в настоящее время, когда, кажется, все в науке и искусстве властно пробивается к единству, и даже, по-видимому, самое отдаленное затронуто им в своей области, когда каждое потрясение в центре или поблизости от него быстрее и как бы непосредственнее ведет к частям, а новый орган созерцания образуется более всеобщим образом и почти для всех предметов. Такое время не может пройти бесследно, не породив новый мир, который неминуемо погребет в ничтожество тех, кто не будет принимать в нем деятельного участия. В первую очередь только свежим и неиспорченным силам юного мира можно доверить сохранение и образование этого благородного дела. Никто заранее не исключен из участия, ибо в любой части – за какую он бы ни взялся – имеется момент всеобщего возрождающего процесса. Чтобы достичь на этом пути успеха, нужно проникнуться духом Целого и постичь свою науку как органический его член, познавая ее назначение в этом образующемся новом мире. К этому он должен устремиться самостоятельно или с помощью других, пока он сам еще не закозвел в устаревших формах и пока под воздействием чужой или своей собственной бездуховности в нем не погасла высшая искра, – стало быть, в ранней молодости и, согласно нашим учреждениям, – в начале университетского образования.

Философских и позитивных наук в университете рассмотрел в одном выступлении Андрей Паткуль, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры онтологии и теории познания философского факультета СПбГУ. Выясняя адекватное отношение философии и нефилософских дисциплин, он различил философию как универсальную науку (науку о сущем в целом) и частные науки. Со временем отношение философии и нефилософских наук (и это происходит, прежде всего, благодаря кантовской критической философии) обозначилось и через различие философии как трансцендентальной (непозитивной) науки и позитивных (частных) наук. Здесь оказывается, что если для позитивных наук предмет их положен заранее, то философия призвана задаться вопросом об условиях возможности такого заранее положенного предмета, его бытия и возможных доступов к

нему. Далее А. Паткуль, ссылаясь на Хайдеггера, подчеркнул, что нефилософские науки в отличие от философии называются позитивными и философия может быть противоположена нефилософским наукам как универсально-трансцендентальная наука наукам частно-позитивным. Докладчик выдвинул предположение о том, что, учитывая особенность шеллинговской трактовки философии как отображения в разумеющем созерцании празнания, своей формулировкой философии как прагматически позитивной науки Шеллинг ставит нас перед затруднением: или философия является свободным исследованием, и тогда не имеет объективной значимости для науки и государства. Или же, напротив, она имеет такую значимость и тогда не является свободным исследованием, а стало быть, философией в собственном смысле слова. По мнению А. Паткуля, философия могла бы,

УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ?

оставаясь свободным исследованием в качестве универсально-трансцендентальной науки, обрести объективную значимость для других наук, то есть претендовать на объективное существование философского факультета среди других.

Полемичный и юношески пылкий характер изложения доклада «Незнакомый Шеллинг» Родиона Савинова, студента 4 курса, показал, что вопросы современного университетского образования глубоко затрагивают не только преподавателей, но и универсантов. Автор не только предложил подробный анализ всех включенных в сборник работ (вступительной статьи переводчика, лекций Шеллинга и систематического описания натурфилософии Шеллинга из тома «Истории новой философии» Куно Фишера), но и поднял вопросы современности и познавательности лекций для любознательного студента. Он усмотрел у Шеллинга истоки обсуждаемой ныне идеи «интерактивного образования», цитируя философа: «Подлинное преимущество живого способа обучения и заключается в том, что преподаватель не выставляет голые результаты, но излагает самый способ их достижения и как раз перед глазами студента заставляет как бы впервые возникнуть научное Целое».

Различные аспекты проблем современного университетского образования были отражены в выступлениях Вадима Семенкова, доцента социологического факультета СПбГУ, сделавшего довольно подробную выкладку-сравнение социального происхождения немецких философов и деятелей культуры и образования начала XIX столетия, совершивших, по словам докладчика, «революцию снизу»; Даниила Дорофеева, докторанта кафедры антропологии философского факультета СПбГУ, доложившего о современном состоянии университетского образования в технических вузах города; Ирины Батраковой, доцента Санкт-Петербургского медицинского университета, сделавшей весьма подробное сопоставление философии тождества Шеллинга с философией Канта и Гегеля, завершившееся противопоставлением философской позиции на образование Канта, Шеллинга и Гегеля.

Очень органично продолжил тему о методе университетского образования в немецкой философии докторант кафедры истории философии СПбГУ Иван Протопопов, сделавший уже в начале своего выступления глубокомысленное замечание о необходимости целостного понимания философии Шеллинга как «раннего», так и «позднего» периодов, что подвергалось сомнению некоторыми докладчиками, и завершившего свой доклад весьма серьезными доводами против несостоятельности расхожего тезиса «так называемых современных гегельянцев» о непримиримой противоположности философских систем Шеллинга и Гегеля. Наконец, завершил конференцию выпускник кафедры истории философии СПбГУ, кандидат философских наук Алексей Пестов, переведший в 2000 году лекции по философии откровения Шеллинга. Он подробно остановился на специфике перевода текстов и еще раз сердечно поздравил всех присутствующих с появлением перевода лекций о методе университетского образования на русский язык.

Вот что рассказал об идее проведения конференции ее организатор и автор перевода лекций Шеллинга о методе университетского образования, И.Л. Фокин.

– Иван Леонидович, Вы первым обратились к работе Шеллинга «Лекции о методе университетского образования». Чем вызван интерес к творчеству Шеллинга и обусловлен выбор именно этой работы для перевода?

– Вопрос интересный. Вообще я к ней обратился еще двадцать лет назад, в 1989 году, когда впервые обнаружил и прочитал ее. Это было первое издание лекций 1809 году, каким-то чудом оказавшееся и сохранившееся в нашей петербургской Публичной библиотеке. Бывают, знаете, книги, которые уже при первом прикосновении к ним говорят и свидетельствуют нашему внутреннему чувству о чем-то грандиозном, о некоем глубоко предугадываемом, хотя еще неизвестном содержании, скрытым за пожелтевшими страницами. Мне кажется, что подлинный перевод – если остановиться на переводческой теме – всегда должен начинаться с этого чувства, и потому перевод подлинника не может до конца состояться при работе «на заказ» от издательства. Во всяком случае, с лекциями о методе Шеллинга у меня произошло нечто подобное: я сразу понял, или, скорее, почувствовал, что передо мной – сокровище научной философской мысли, что после этого произведения представление о науке должно стать другим, более всеохватывающим и всеобщим, если, конечно, читатель уже сам не имеет философской рецепции уровня Шеллинга или, скажем, Платона.

– И у Вас сразу возникла мысль о переводе лекций Шеллинга?

– Мысль о переводе лекций о методе возникла лет через пять, когда я решил сделать небольшую паузу в своей преподавательской деятельности и она затянулась на двенадцать лет. Сначала я перевел ранние философские сочинения Шеллинга («О Я как принципе философии», 1795, и др.), и только к 2000 году был наконец-таки осуществлен перевод лекций. Вас, кстати, не удивляет, что только сейчас стараниями издательства «Мир» лекции увидели свет?

– Да, это совершенно непонятно! Как это объяснить относительно Шеллинга?

– В двух словах объяснить это, конечно, невозможно. Как, впрочем, и всякое подобное «углубление» в организации духовного труда. Остается лишь с сожалением свидетельствовать о том грустном факте, что и сегодня, в начале XXI столетия, генетическая связь идей Шеллинга в России до сих пор практически неизвестна. Он единственный из четырех основных немецких философов, который у нас переведен приблизительно на одну четверть (хотя теперь, наверное, можно говорить, что на одну треть, поскольку, помимо ранних философских сочинений Шеллинга, изданных в 2000 году, уже переведены лекции по философии откровения 1841–1842 гг.; лекции о мировых эпохах 1828 года, вышедшие в томском издательстве «Водолей», и сейчас, насколько мне известно, готовятся переводы некоторых других произведений мыслителя).

– И какое место, по-Вашему, занимают среди этих переводов «Лекции о методе университетского образования»?

– Я глубоко убежден, что эти лекции для российского философского и «универсально-научного», то есть университетского образования, очень важны. Хотя признание этих лекций среди многочисленных россиян, читающих и понимающих философскую литературу, еще впереди. Так что большая часть тиража (тираж книги – 1000 экземпляров) еще год-другой обречена пролежать невостребованной на книжном складе. Да и, честно говоря, цена книги, в условиях массового обнищания, не предполагает массового спроса (по этой причине я подарил несколько экземпляров в библиотеки двух главных университетов нашего города: СПбГУ и РГПУ им. А.И. Герцена).

– И эта невостребованность массового читателя наблюдается даже несмотря на актуальность темы университетского образования в наше время?

– Когда книга выходит, она не бывает сразу прочитана. Сначала ее надо УВИДЕТЬ, потом – купить, наконец – полностью посвятить себя восприятию новых, может быть, совершенно незнакомых мыслей, чуждых современной эпохе. Потому здесь главный вопрос не в прочтении. Важно, стала ли книга, будучи прочитана, так же понята и усвоена. А как понять эту книгу, если не обладаешь заранее понятием философии Шеллинга? Как усвоить ее содержание, если, допустим, не обладаешь внутренним органом для восприятия его идей? Ради ответа на эти вопросы и пишется предисловие. И, говоря откровенно, одна из главных задач нашей конференции состояла в том, чтобы сделать еще одну дополнительную попытку «конструирования», говоря языком Шеллинга, то есть выработки понятия и органа восприятия для дальнейшего (уже, разумеется, исключительно самостоятельного!) понимания и усвоения Идеи университетской науки. Необычайно трудная задача! К сожалению, погружение и посвящение в великий и гениальный дух лекций Шеллинга, судя по сегодняшней конференции, совершили, по моим наблюдениям, весьма немногие участники (это чувствовалось даже по подготовленным выступлениям). Некоторые докладчики не успели как следует ознакомиться даже с самим текстом лекций! А ведь речь идет о профессионалах, о философски подготовленной преподавательской публике. Где еще ожидать «конгениального»

проникновения в творческий дух Шеллинга? Впрочем, я, наверное, несправедлив – «Лекции» Шеллинга появились недавно, в середине марта, и только в нескольких магазинах. Хотя это – внешний фактор, а что касается внутреннего... Сегодняшние русские философы в фундаментальных вопросах своего наличного бытия вообще в своей «массе» очень неторопливы! Может быть, сказывается политический опыт и рефлекс недоверия к собственным силам, неверия в возможность что-то изменить, может быть, просто профессиональная небрежность и невнимательность. Хотя, что касается ходегетики, то есть методики университетского образования в целом, то именно философия призвана обосновывать здесь целостность и единение всех наук. Но чересчур много от сословия философов-профессионалов сегодня, как и двадцать лет назад, ожидать не приходится: они все еще мыслят себя, скорее, чиновниками, нежели свободными художниками в смысле Шеллинга.

– Тем не менее, издание книги вызвало определенный резонанс, в том числе и в профессиональных философских кругах. Оправдались ли Ваши ожидания относительно прошедшей конференции? Какой круг вопросов она предполагала затронуть?

– Вопрос один – каким должно быть университетское образование сегодня: в России и в мире. Учтивая, что участники конференции – философски образованные преподаватели, в том числе и в сфере немецкой классической философии, то вопросы и ответы были, в основном, в этом узкопрофессиональном ключе.

– В последнее время активно дискутируется вопрос о Болонской системе образования, особенно в части вхождения ряда отечественных вузов в зону действия этой конвенции. Считаете ли Вы, что Шеллинг в своих «лекциях» стал предтечей основных идей образования, которые положены в основу Болонской системы?

– Я недостаточно знаком с идеями Болонской конвенции, знаю лишь общие технологические аспекты этой системы. Кроме того, культурные основы даже традиционных европейских стран, подписавших соглашение – Германии, Италии, России – различны. Что общего в нашем национальном, культурном, религиозном аспектах? Я скептически отношусь к сопоставлению задач и методов их решения в так называемой «Болонской» системе унитарного образования и в философско-

эстетической системе универсального образования Шеллинга. Еще раз повторюсь, у Шеллинга в основу университета положена Идея Универсума, Вселенная как сама воплотившаяся живая Наука; в Болонской системе – во всяком случае, если судить по «учебно-методическим» программам, которые теперь обязаны составлять все преподаватели российских университетов, – это, скорее, некая общественно-социальная, экономическая, почти «промышленно-производственная» составляющая. Упор делается на наукообразные стереотипы массово-потребительского стандарта, я с этим уже столкнулся. Об Идее говорить здесь пока преждевременно.

– Каковы Ваши представления о главных проблемах современного классического университетского образования?

– Говоря коротко и определенно, проблемы современного университетского образования всецело зависят сейчас, как и во времена Шеллинга, от выработки метода. Почему-то никто на конференции не обмолвился и словом о том, что лекции Шеллинга заняты, прежде всего, выработкой универсально-научного метода и что в этом отношении, по крайней мере, «Лекции» просто не могут когда-нибудь «устареть!» (встречаются ведь и такие «упреки»). Нет, совсем не случайно Шеллинг употребил слово «метод» в названии своего курса! И я думаю, что сегодня, в постсоветскую и одновременно постперестроечную эпоху, когда именами «академия» и «университет» называют сельскохозяйственные и железнодорожно-транспортные учебные учреждения, мы еще по-настоящему просто не пришли к сущностной, философской и подлинно-умозрительной научной проблеме метода. Во всяком случае, в том виде, как эта проблема существовала до чтения лекций Шеллингом в Йенском университете. Сам Шеллинг хорошо понимал значение своих лекций. «Когда я, – говорил он во вступительной речи в Мюнхенском университете 26 ноября 1827 году, – впервые принял участие в преподавательской деятельности, тогда в немецких университетах господствовала система философии, далекая от всякой действительности. Кто бы мог поверить в то время, что никому не известный учитель, по годам еще юноша, овладеет такой мощной системой, которая, несмотря на свою пустую абстрактность, все-таки тесно примыкала ко многим излюбленным тенденциям? Однако это случилось, хотя в наше время немногие уже знают, от каких преград и пут нужно было тогда освободить университетское образование, чтобы пробиться на открытое и свободное поприще объективной науки, доступное теперь всем, и завоевать свободу и жизненность мышления, результатами которых все теперь пользуются». Исходя из двадцатилетнего опыта преподавания в высшей школе, я со всей ответственностью утверждаю: пока нравственные и научные принципы, изложенные Шеллингом в лекциях о методе университетского образования, не овладеют современным российским университетским образованием, у нас не будет идеи Университета в подлинном смысле слова.

Светлана КОЛОДЯЖНАЯ-ШЕРЕМЕТЬЕВА